

ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

ОБ ЭТНИЧЕСКОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ НОСИТЕЛЕЙ ЧИЯЛИКСКОЙ КУЛЬТУРЫ: ИСТОРИОГРАФИЯ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ПРОБЛЕМЫ

И. В. Антонов

*Институт этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева Уфимского научного центра
Российской Академии наук, Уфа, Россия. igan73@yandex.ru*

Чияликская культура выделена по материалам памятников в низовьях рек Ик и Белая. Основная масса памятников датируется XIII–XIV веками. Несмотря на распространение ислама, в погребальном обряде чияликских могильников сохранились языческие реликты, характерные для угров Зауралья и Приуралья. По мнению большинства исследователей, являясь частью этнокультурного ареала угров Южного Урала, носители чияликской культуры находились под сильным влиянием Волжской Булгарии. Венгерский миссионер Юлиан в XIII веке нашел своих сородичей на реке Белой, но в XIV веке сведений об уграх на территории Башкирии в письменных источниках уже нет. В результате постепенной тюркизации и исламизации потомки носителей чияликской культуры вошли в состав башкир. Однако проследить их историю после XIV века трудно из-за недостаточной изученности памятников археологии и отсутствия данных смежных наук. По нашему мнению, угорский компонент в этногенезе башкир сыграл не основную, а, скорее, локальную роль: потомками носителей чияликской культуры считаются северо-западные башкиры. Поэтому носителей чияликской культуры нельзя отождествлять с башкирами письменных источников.

Ключевые слова: чияликская культура, угры, башкиры, тюркизация, исламизация.

Чияликская культура – последняя по времени археологическая культура на территории современного Башкортостана, поэтому проблема этнической принадлежности носителей чияликской культуры имеет самое непосредственное отношение к любым исследованиям в области этногенеза башкир. Однако этногенетические исследования в Башкортостане осложнены тем обстоятельством, что памятники, пришедшие на смену чияликским древностям (с XV в. и позже) до сих пор изучены лишь эпизодически и без систематических обобщений. В такой ситуации было бы затруднительно проследить преемственность в развитии культуры населения края, связать чияликские древности с более поздними памятниками, башкирская принадлежность которых уже ни у кого не вызывает сомнений. Поэтому автор ставит перед собой более скромную задачу: дать историографический обзор проблемы и наметить возможные пути ее решения, а в плане этногенетических исследований попытаться ответить на вопрос: можно ли считать носителей чияликской культуры башкирами и (или) непосредственными предками современных башкир? Насколько велика роль носителей рассматриваемой культуры в этногенезе башкир?

Е. П. Казаков к памятникам так называемого чияликского типа отнес несколько десятков па-

мятников, изученных в низовьях рек Ик и Белая [См.: Казаков: 1978, С. 42]. Вопрос об этнокультурной принадлежности чияликских памятников Е. П. Казаков рассматривает по данным анализа погребального обряда Такталачукского и I Азметьевского могильников, сохранивших такие реликты языческого обряда, «как сопровождение детских погребений традиционной лепной круглодонной керамикой с веревочно-гребенчатой орнаментацией, культ огня, употребление погребальных лицевых покрытий с металлической накладкой на месте рта». Все эти признаки характерны для памятников бассейна р. Сырва и лесного Зауралья X–XIII вв., определенно относящихся «к угорскому, в основном мансийскому, населению», а лицевые покрытия в виде неправильных по форме накладок, вырубленных из пластинчатого листа серебра или бронзы, имеют близкие аналогии в этнографии обских угров. Отмечая, что восточная граница памятников чияликского типа не ограничивалась нижним течением Белой, Е. П. Казаков писал: «Однако отсутствие изученных памятников в этом регионе (левобережье средней Камы. – И. А.) не позволяет конкретизировать вопрос о восточных границах чияликских памятников, хотя уже сейчас можно говорить о довольно большой территории, занимаемой ими к востоку и северо-востоку от Волжской Болга-

рии». В данном случае Е. П. Казаков сослался уже не на данные археологии, а на сведения Плана Карпини и Рубрука, которые «довольно четко определяют территорию «паскатир» – к востоку и северо-востоку от Волжской Болгарии и принадлежность «паскатир» к уграм». Е. П. Казаков считает, что после ухода основной массы мадьяр на запад из «Великой Венгрии» (бассейн р. Белая) там продолжали кочевать отдельные группы угров, одну из которых и нашел Юлиан. Следы угорского населения, представленного памятниками чияликского типа, по мнению Е. П. Казакова, «следует искать в материальной и духовной культуре икских, нижнебельских и северных башкирских этнических групп», территория расселения которых наиболее близко подходила к районам прежнего обитания угров. При этом исследователь сослался на наличие угорской топонимики в низовьях Белой и в восточных районах Татарии. Ссылаясь на Р. Г. Кузеева, Е. П. Казаков писал: «Чияликское, скорее всего угорское население в XIII–XIV вв. начало интенсивно поглощаться поздними тюркоязычными, в основном кипчакскими, кочевниками, составившими основу башкирского народа» [Казаков: 1978, С. 83–93]. Однако Р. Г. Кузеев писал о смешении и взаимодействии племен кыпчакской миграции с древнебашкирским этносом, что привело к формированию современного башкирского народа [См.: Кузеев: 1974, С. 481]. Е. П. Казаков же отождествил древнебашкирский этнос с приуральскими уграми – носителями чияликской культуры.

Касаясь вопроса о датировке исследованных памятников, Е. П. Казаков отмечал, что в домонгольский период (XI – начало XIII в.) районы низовьев рек Ик и Белая оставались слабозаселенными, в то время как значительное число памятников чияликского типа, находящихся параллели в средневековых угорских памятниках Приуралья и Зауралья, фиксируется в указанных районах в монгольский период. XV–XVI вв. – наименее исследованный период в истории восточных районов Татарии. Предполагается, что в это время остатки угорского населения были окончательно поглощены тюркоязычными этническими группами. В конце XVII в. эти районы населяли башкирские племена, нередко проживавшие совместно с казанскими татарами [См.: Казаков: 1978, С. 97–99].

Памятники постпетрогромского типа, включая памятники Южной Удмуртии (городище Каменный Лог, святилище Чумойтло и др.), восточных районов Татарии (VIII Меллятамакский, I Минниаровский, I Семиостровной могильники,

погребение 25 I Азметьевского могильника и др.), бассейна р. Сылвы (Селянинский могильник) и Северной Башкирии (Мрясимовский, некоторые ранние погребения Каранаевского, Идельбаевского, Кушулевого могильников), Е. П. Казаков датирует концом X–XII вв. Памятники чияликского типа возникают в Восточном Закамье и прилегающих районах после монгольского нашествия. Они занимают более узкую территорию, а чияликская керамика, несомненно родственная постпетрогромской, в то же время отличается, имея примесь песка, шаровидное тулово, невысокую блоковидную или раструбообразную шейку с заостренным венчиком. Постпетрогромские и чияликские памятники, оставившие лепную круглодонную керамику с веревочно-гребенчатой орнаментацией, связываются с угорскими этническими группами [См.: Казаков: 1986, С. 67–75].

По мнению Е. П. Казакова, «признавая в целом родственность чиялика и постпетрогрома, следует все же подчеркнуть, что они оставлены различными племенными объединениями угров. Это подтверждается разной хронологией (домонгольский и золотоордынский периоды) этих культур, а также различием форм (керамики. – И. А.) и глиняного теста». Аналогии чияликским древностям отмечаются в макушинских памятниках Зауралья, что позволяет «локализовать памятники чияликской культуры на широкой, в основном – лесостепной, территории от р. Ик в Восточном Закамье до низовий левобережной части Тобола». Однако четко размежевать две родственные культуры оказалось невозможным. «Несомненное сходство, особенно в керамическом материале, наблюдается между чияликским и постпетрогромским (второго этапа) комплексами. Если постпетрогромская посуда первого этапа (конец X–XI в., первая половина домонгольского периода) четко отличается от чияликской цилиндричностью, то керамика второй половины домонгольского времени (XII – первая треть XIII в.) такого отличия уже не имеет». Один из районов формирования чияликской культуры мог располагаться на р. Пышме, в юго-восточной части ареала юдинской культуры, где изучен Пылаевский могильник XI–XII вв., наиболее близкий языческим комплексам чиялика. «Скорее всего, сменив постпетрогромское население, этнические группы с культурой типа Пылаевского могильника в золотоордынский период заняли широкие пространства лесостепи к западу от Урала. В Зауралье продолжателем культуры этого населения является макушинская группа» [Казаков: 2007, С. 61–62]. По мнению исследова-

теля, «крупнейшие из раскопанных чияликских могильников – Такталачукский, I Азметьевский, Дербешкинский – скорее всего, оставлены предками племени эней». Это племя в XVII–XIX вв. занимало обширную территорию в низовьях Ика и Белой, где в XIV в. располагались и чияликские некрополи. В XIX в. в пределах обширной чияликской территории локализуются места расположения этнокультурных групп с угорскими этнонимами (эней, юрми, гайна, кесе и др.) [Казаков: 2007, С. 64–65].

Сильной стороной построений Е. П. Казакова, несомненно, является опора на письменные источники – отчеты католических миссионеров XIII в. Юлиан общался с носителями «венгерского» языка «близ большой реки Этиль» [Аннинский: 1940, С. 81], отождествляемой с рекой Белой [См.: Аннинский: 1940, С. 73, 81, примеч. 1]. Плано Карпини пишет о народе баскартов, отождествляя его с Великой Венгрией (в первом случае используется этническое понятие, во втором – географическое) [См.: Путешествия..., 1957, С. 48, 57, 72]. Рубрук тоже отождествляет страну Паскатири с Великой Венгрией, помещая ее на севере, за Великой Булгарией [См.: Путешествия..., 1957, С. 98]. Но он указывает и более конкретное расположение этой страны: «Проехав 12 дней от Этилии (Волги. – И. А.), мы нашли большую реку, именуемую Ягак (Яик, ныне Урал. – И. А.); она течет с севера из земли Паскатири и впадает в вышеупомянутое море (Каспийское. – И. А.). Язык Паскатири и Венгров – один и тот же...» [Путешествия..., 1957, С. 122].

Н. А. Мажитов и А. Н. Султанова выразили несогласие с точкой зрения Е. П. Казакова о принадлежности памятников чияликской культуры уграм, так как «по времени существования и месту расположения эти памятники полностью вписываются в территорию расселения башкир племени буляр». Из контекста предания булярских башкир видно, что они жили на своей земле «задолго до прихода монголов». По мнению цитируемых авторов, выделять памятники «типа Кушулево и Такталачук в особую археологическую культуру при их ясной увязке с башкирами нет необходимости. Их лучше рассматривать как памятники буляр-байлярской группы башкир». Находка надмогильной плиты с надписью на тюркском языке арабскими буквами свидетельствует о том, что население бассейна Белой, оставившее указанные памятники, говорило на тюркском языке, каким мог быть только башкирский язык [Мажитов, Султанова: 1994, С. 264–265; Мажитов, Султанова: 2009, С. 385–387].

Цитируемый фрагмент Н. А. Мажитовым воспроизведен и во втором томе «Истории башкирского народа», но там вывод о буляр-байлярской принадлежности рассматриваемых памятников снабжен следующим редакционным примечанием: «Автор не учитывает, что памятники чияликской культуры распространены от восточных районов Татарстана на западе до Курганской области на востоке и до южных районов Пермской и Свердловской областей на севере. Ареал распространения чияликской культуры, таким образом, практически полностью совпадает с современной территорией расселения башкир, включая пермских и курганских» [История..., 2012, С. 189]. Однако Н. А. Мажитов, скорее, имеет в виду один из локальных вариантов чияликской культуры, связываемый им с северо-западными башкирами. Аналогичным образом другие локальные варианты этой культуры могут быть связаны с соответствующими территориальными группами башкир. Проблема выделения чияликских памятников «в особую археологическую культуру при их ясной увязке с башкирами», очевидно, связана с целесообразностью или нецелесообразностью использования самого термина «чияликская культура». Да, эта культура имеет ясную увязку с предками башкир, что никем не оспаривается. Однако чияликская культура была не единственной культурой, которую можно связать с предками современных башкир. Достаточно указать хотя бы широко распространенные в степной полосе Южного Урала памятники «кыпчакского типа» (земляные и «каменные» курганы), которые имеют не менее ясную увязку с кыпчакским компонентом башкирского этноса. К чияликской культуре эти курганы никакого отношения не имели. Курганные могильники лесостепного Приуралья (Сынтыштамакский и другие) также не относятся к чияликским памятникам. Таким образом, понятие «культура башкир», несомненно, шире термина «чияликская культура», которая, действительно, была особой археологической культурой в общем массиве памятников, оставленных предками башкир. Кроме того, неясно, сформировалось ли уже в эпоху монгольского нашествия единое этническое самосознание среди различных племен, вошедших позднее в состав башкирской народности.

Башкирские предания отвечают на этот вопрос положительно, хотя они и были записаны в более позднее время. В предании «Булгары и башкиры» сказано, что посредством деятельности болгарских миссионеров «ислам распространился среди башкир в долинах Агидели, Ика, Демы, Таныпа»

[Башкирское..., 1987, С. 164]. Эти слова прекрасно иллюстрируют прослеживаемый по данным археологии процесс исламизации носителей чияликской культуры.

«До нашествия полчищ Чингиса и Батыя реки Агидель, Ик, Мэлле и Мензели были глубоководны, богаты рыбой, а долины их покрыты густыми лесами. Птиц и зверей водилось здесь бесчисленное множество. В тех местах кочевали башкирские роды байляр и буляр», – рассказывается в предании «Биксура». Между реками Минзели и Ик кочевал род Карагай-атайцев, соседними родами которых являлись байляр, ыласын и буре [Башкирское..., 1987, С. 166].

Поэтому Н. А. Мажитов считает, что чияликская культура в низовьях р. Белой XII–XV вв. принадлежала собственно башкирским племенам. Если «Юлиан побывал среди башкир, которых он называет мадьярами, говорил с ними на понятном им языке», можно предположить, что «у венгров башкирского происхождения на Дунае к началу XIII в, наверняка, сохранились предания об оставшейся на Урале исторической прародине, и путешествия монаха Юлиана, а затем Иоганки, скорее всего, были предприняты под их влиянием. При такой постановке вопроса сообщение о приезде Юлиана и Иоганки к башкирам получает противоположное звучание, чем это принято у сторонников мнения о мадьярах на Урале: они посетили уральских башкир – сородичей венгров башкирского происхождения» [Мажитов: 2011, С. 75]. Однако арабский географ-энциклопедист Якут (ок. 1179–1229) «обнаружил в городе Халеп (Алеппо – город на северо-востоке Сирии. – И. А.) многочисленную общину, называемую ал-Башгардийа». Это были мусульмане, жившие в Венгрии и прибывшие в Сирию для изучения исламского права [История татар..., 2006. С. 805–806]. Они еще сохраняли свое этническое самосознание и самоназвание и не назывались венграми. Поэтому называть их «венграми башкирского происхождения» неверно, а Юлиан не мог принять башкир за венгров, зная, что первые не являлись частью вторых. Он искал оставшихся на востоке сородичей для того, чтобы обратить их в католичество. Если Юлиан был «венгром башкирского происхождения», как же он стал католическим монахом? Исповедание ислама являлось отличительным признаком башкир, живших в Венгрии, и Юлиан не мог составлять среди них исключение.

Происхождение керамики со шнуровым орнаментом, которая является характерной чертой культуры финно-угорского населения Правобережной Камы и Среднего Урала, в памятниках

чияликского круга, по мнению Н. А. Мажитова, объясняется частичной ассимиляцией башкирами своих северных соседей [См.: Мажитов: 2011, С. 84]. Таким образом, присутствие финно-угорского компонента не отрицается. Более того, здесь нет противоречия выводам Е. П. Казакова, который отмечает, что в чияликских могильниках золотоордынского времени сосуды со шнуровым орнаментом продолжали ставить только в погребениях младенцев, видимо, еще не прошедших обряда посвящения в ислам. В то же время данная керамика явственно отражает связи с уральской шнуровой посудой, что подтверждает принадлежность чияликского населения к массиву угорского этнического пласта Урала [См.: Арсланов, Казаков, Корепанов: 1993, С. 20]. Таким образом, если согласно Е. П. Казакову носители чияликской культуры – угорские предки башкир, то согласно Н. А. Мажитову – это башкиры, включившие в свой состав угорский компонент. Но даже если характерная для угров керамика встречается в чияликских погребениях только в виде исключения, отсюда не может быть сделан вывод о нетипичности или незначительности шнуровой посуды для рассматриваемой культуры в целом. Небольшая доля такой посуды объясняется исламизацией населения чияликской культуры. На современном уровне наших знаний никакие другие компоненты населения, кроме угорского, в составе носителей чияликской культуры не прослеживаются.

Г. Н. Гарустович погребальные памятники чияликского типа, совершенные по раннемусульманскому обряду с пережиточными языческими элементами (Кара-Яр, Казыбергян, Тукмак-Каран, Такталачукский, Азметьевский I, Старо-Варяжские I и II могильники), датирует XIII–XIV вв., хотя выделяют группы языческих погребений с вещами XII–XIII вв. (Кушулевский могильник) и погребений со значительно менее выраженными элементами язычества XIV–XV вв. (Ахметовский II, Кара-Якуповский, Рязановский, Горновский и Нижне-Хозятовский могильники). Исследователь считает чияликские памятники угорскими на основании следующих признаков: шнуровая керамика, наличие в погребениях следов культа огня, северная ориентировка в погребении 7 могильника Кара-Яр, поворот лица в отдельных погребениях в левую сторону – к северу, уральский тип черепов из Ахметовского II могильника. Сходство мусульманского погребального обряда и находки большого числа болгарских вещей в чияликских погребениях и на территории селищ свидетельствуют о сильном влиянии болгарской культуры. Носители чияликской культуры при-

няли непосредственное участие в формировании этнического облика западных и северо-западных башкир. Ассимиляция их башкирскими племенами произошла едва ли ранее второй половины – конца XIV в. [См.: Гарустович: 1988, С. 130–139].

Самые крупные чияликские могильники (селища изучены значительно хуже) расположены в междуречье рек Зай и Ик, где проходили западные границы расселения чияликских племен. «Размещение чияликских памятников вдоль восточных границ Волжской Булгарии, которые проходили по рекам Шешма и Зай, позволяет констатировать факт о том, что именно Булгария была центром притяжения приуральского населения в XIII–XIV вв.» [Гарустович: 1992, С. 122]. Говоря об исторической судьбе приуральских угров, Г. Н. Гарустович отмечал, что «не вызывает сомнения факт их тюркизации и вхождения в состав башкирских племен (племена юматы, юрми, еней, буляр и т. д.)» [Гарустович: 1992, С. 123].

В совместной статье Г. Н. Гарустовича и В. А. Иванова памятники чияликского типа датированы XII–XIV вв. К числу многочисленных пережитков языческого угорского обряда в чияликских могильниках, где большинство погребений совершено по мусульманскому обряду, отнесены круглодонные сосуды с характерной гребенчато-шнуровой орнаментацией, поставленные в изголовье могилы, остатки конской шкуры и бляшки-наглазники, женские украшения, среди которых наиболее часты подвески с желудевидными бусинами [См.: Гарустович, Иванов: 1992, С. 25].

В. А. Иванов показал, что угры расселялись в западных и северо-западных районах современного Башкортостана, а башкиры – в центральных, западных и юго-западных районах. Связываемые с башкирами курганы Сынтыштамакского могильника на Бугульминской возвышенности по своему обряду отличаются от синхронных соседних могильников чияликской культуры. Анализ карты ал-Идриси 1154 г. показал, что «башкиры в это время занимали западные и юго-западные территории современного Башкортостана, по долине р. Белой гранича с приуральскими уграми» [Иванов: 1994, С. 89–92]. Таким образом, носители чияликской культуры не обязательно должны быть тождественны башкирам письменных источников, но впоследствии они были ассимилированы башкирами и поэтому могут рассматриваться в качестве одного из компонентов современного башкирского этноса.

По мнению В. А. Иванова, история памятников чияликского типа начинается с XII в., когда угры заселили северо-восточные окраины Волж-

ской Булгарии. Основным районом распространения этих памятников являлось тогда Камско-Бельско-Икское междуречье. В XIII–XIV вв. чияликское население постепенно расширяет ареал своего обитания за счет окрестностей Уфы, бассейна нижнего и среднего течения р. Белой [См.: Иванов: 1996, С. 86].

Чияликская культура отнесена «к этнокультурному ареалу (ЭКА) культур с резной и гребенчато-шнуровой керамикой, занимавшему территорию лесного и лесостепного Зауралья и Приуралья», этническое содержание которого составляли представители уральской языковой семьи. В то же время В. А. Иванов допускает, что «носители чияликской культуры вполне возможно могли со временем перенять древнебашкирский язык (и, соответственно, считать себя башкирами), но сохранять при этом свой культурный облик, сложившийся под воздействием местной этногеографической среды» [Иванов: 2003, С. 180]. Тем самым автор различает проблемы происхождения чияликской культуры и языковой принадлежности ее носителей: имея угорское происхождение, «чияликцы» могли перейти на тюркский язык или какое-то время пользоваться двумя языками одновременно. Однако тюркским языком мог быть не только башкирский, но и болгарский. Нам ничего неизвестно о том, как складывались отношения «чияликцев» с древними башкирами, но о сильном влиянии болгарского языка свидетельствует факт наличия в западных и центральных районах Башкортостана болгарских кладбищ, содержащих каменные надгробия с эпитафиями [См.: История..., 2012, С. 222–225]. В эпитафии Старокалмашевской плиты (Чекмагушевский район), на которую, как отмечалось выше, ссылаются Н. А. Мажитов и А. Н. Султанова, указана дата погребения – 747 г.х. [См.: Ишбердин: 1980, С. 64], т. е. 1346/47 гг. н. э. В конечном итоге, войдя в состав башкир, потомки носителей чияликской культуры, перешли на современный башкирский язык кыпчакского типа.

В трудах Г. Н. Гарустовича представления о территории и хронологии чияликской культуры постепенно менялись. Первоначально исследователь датировал чияликскую культуру XIII–XIV вв., в то же время отметив сохранение ею преемственности с населением, оставившим памятники мрясимовского типа (X – начала XIII в.). Ареал чияликской культуры простирался от восточных границ Волжской Булгарии до предгорий Урала. На юге эта территория ограничивалась краем степной, а на севере – краем лесной зоны. Чияликские памятники составляют юго-западную пери-

ферию большой общности, заселявшей лесостепь по обе стороны Уральского хребта. Зауральские памятники этой общности отнесены к макушинскому типу, памятники Пермской области выделены в сылвенскую культуру. «Специфика чияликского населения в рамках этой общности обусловлена сильным влиянием Волжской Булгарии и распространением в Приуралье мусульманской религии. Угорские племена лесостепной зоны Южного Урала со временем тюркизировались и вошли в состав башкирского народа (племена юрматы, юрми, буляр, еней, гайна)» [Гарустович: 1996, С. 52–55].

Уже в домонгольское время помимо курганных комплексов изредка встречаются грунтовые захоронения, напоминающие классические чияликские погребения более позднего времени (Сасыкуль) [См.: Гарустович: 1998, С. 17]. Таким образом, памятники конца X – начала XIII в. представлены грунтовыми, чияликскими (Ново-Сасыкульский, Кушулевский), и курганными, мрясимовскими могильниками (Каранаево, Бакалы, Мрясимова). Отмечается, что «на протяжении домонгольского времени родственные племена мрясимовцев и чияликцев взаимоассимилировались, с преобладанием черт, свойственных чияликцам» [Гарустович: 1998, С. 20]. Памятники мрясимовского типа и чияликскую культуру маркирует лепная круглодонная керамика, украшенная оттисками гребенчато-шнурового штампа. В XIII–XIV вв. бытуют два вида лепной керамики: в приуральской лесостепи чияликская, генетически связанная с мрясимовской, но имеющая небольшие отличия от нее, а в предгорной зоне Южного Урала – в среднем течении р. Белой, на северо-востоке Башкортостана, по рекам Ток, Самара, Кинель и в зауральской лесостепи – плоскодонная, украшенная защипками и насечками по венчику, названная селеукской. «Селеукские памятники до сих пор еще мало изучены и говорить что-либо об истоках плоскодонной керамической традиции и специфике взаимодействия чияликцев и селеукцев пока еще преждевременно» [Гарустович: 1998, С. 22–23]. Таким образом, если мрясимовские памятники генетически предшествуют чияликским, то селеукские памятники из этого ряда совершенно выпадают. Нет оснований считать, что «селеукцы» были родственны «чияликцам» и вместе с ними входили в состав археологических культур угорского ЭКА. Введение в научный оборот памятников селеукского типа (по-существу речь идет о новой археологической культуре, территория которой значительно превышает территорию чи-

яликской культуры) позволяет иначе взглянуть на проблему соотношения носителей чияликской культуры с историческими башкирами. Обычно считается, что «чияликцы» – это и есть башкиры, поскольку на территории Башкирии якобы нет никаких других памятников, кроме чияликских. Однако это совсем не так, да и время принятия северо-западными башкирами этнонима башкорт в качестве самоназвания точно не установлено.

В последнее время взгляды Г. Н. Гарустовича изменились в сторону расширения временных и пространственных рамок чияликской культуры. В обзорном очерке исследователь датирует чияликскую культуру X–XIV вв., а территорию ее распространения определяет в лесостепной зоне от междуречья рр. Шешма и Зай на западе до р. Тобол на востоке, включая памятники макушинского типа в Зауралье. Автор присоединяется к мнению большинства исследователей, считающих носителей чияликской культуры местными полукочевыми угорскими племенами. Население чияликской культуры, принявшее ислам и тюркизированное пришлыми тюркскими племенами, рассматривается в качестве основного компонента башкир и татар Предуралья [См.: Гарустович: 2011, С. 251].

Объединение в одну культуру (чияликскую) чияликских и макушинских памятников представляется спорным, поскольку ареалы чияликских (в Приуралье) и макушинских (в Зауралье) памятников даже не соприкасались, так как разделяющее их пространство было занято памятниками селеукского типа. Объединение сылвенских памятников с кругом чияликских древностей тоже оказалось преждевременным, «ибо они «старше» основной массы чияликских памятников и занимают достаточно удаленный от территории чияликской культуры регион, и сам вопрос о соотношении их с этой культурой еще требует всестороннего анализа» [Пастушенко: 2002, С. 183–184]. Речь не идет, конечно, об отрицании «большой общности» памятников чияликского, макушинского и сылвенского типа, обусловленной их этнокультурной близостью и общностью происхождения, но распад этой общности привел к образованию самостоятельных этнических коллективов, роль которых в этнических процессах Восточной Европы и Западной Сибири была различной.

В рамках единой чияликской культуры, существовавшей с начала X в. до начала XV в., Г. Н. Гарустович выделяет два хронологических этапа: ранний («постпетрогромская культура» у Е. П. Казакова), датирующийся домонгольским

временем, и поздний («чияликская культура» у Е. П. Казакова), датирующийся золотоордынским временем. Таким образом, две выделенные Е. П. Казаковым родственные культуры объединяются в единую археологическую культуру предков современных башкир [См.: Гарустович: 2015, С. 183]. С точки зрения Г. Н. Гарустовича, «на рубеже XII–XIII вв. никаких крупных этнических подвижек в регионе не фиксируется. Все немногочисленные новации, отличающие так называемых «постпетрогромцев» и «чияликцев» (по Е. П. Казакову) или раннечияликский и позднечияликский этапы единой культуры (по мнению автора), легко объяснимы с позиций эволюционного процесса, т. е. обычного стадийного развития единого этноса» [Гарустович: 2015, С. 188]. Так как «на рубеже XII–XIII вв. постепенно исчезают курганы, погребения с вещами и святилища с языческими изваяниями и в то же время появляются кладбища с безынвентарными захоронениями, западной и юго-западной ориентировками, разворотом лица покойных на кыблу (т. е. в сторону Мекки), мы с полной определенностью можем говорить о надежности даты принятия ислама» [История..., 2012, С. 218–219].

Именно появление мусульманских захоронений маркирует завершение раннечияликского и наступление позднечияликского этапа единой культуры. Но, даже если все эти памятники принадлежали одному этносу, смена религии свидетельствует о значительных изменениях в его материальной и духовной культуре. Эти изменения были связаны со сменой политической обстановки в Волго-Уральском регионе, его вхождением в состав Золотой Орды. В степной полосе региона монгольское нашествие привело к значительным перемещениям населения, которые сопровождались не менее значительным обновлением его этнического состава. В лесостепной полосе, менее затронутой монгольским нашествием, таких радикальных изменений, по всей видимости, не произошло. Однако унификация погребального обряда осложняет проблему этнической принадлежности носителей чияликской культуры. Рассматривая погребальный обряд как одну из основных этнодиагностирующих категорий археологической культуры, Г. Н. Гарустович отмечает, что это определение справедливо лишь для ранних захоронений (конец X – начало XIII в.), совершенных по языческому обряду, тогда как в поздних захоронениях (конец XIII – начало XV в.), совершенных по мусульманскому обряду, встречаются лишь пережитки этнических черт. «Распространение ислама преобразовало погребальный обряд в культурно-историческую и

хронологическую категорию. Но только не этническую!» [Гарустович: 1998, С. 14]. В такой ситуации можно говорить лишь о происхождении, но не об этнической принадлежности носителей чияликской культуры, тем более что название образуемого ими этноса по письменным источникам неизвестно. Сомнительно, представляли ли они единый этнос, скорее речь может идти о совокупности племен, названия которых сохранились до наших дней. Возможно, что к концу XIII в. эти племена уже не были уграми ни по языку, ни по культуре.

А. Ф. Яминов вслед за Е. П. Казаковым и Г. Н. Гарустовичем объединил грунтовые могильники Башкирии и восточных районов Татарии («в одну чияликскую культуру, в этническом плане принадлежащую к угорскому ЭКА»). Население ЭКА грунтовых могильников и поселенческих памятников лесостепной зоны Икско-Бельского междуречья, «определяемое в этническом плане как угорское, стабильно пребывало здесь уже с домонгольского периода и вплоть до конца XIV в., не испытав при этом каких-либо этнических «вливаний» извне. Не претерпела никаких изменений и территория, занимаемая населением чияликской культуры, а все имевшие место новации носили более идеологический и культурологический характер» [Яминов: 1995, С. 28–29]. По мнению А. Ф. Яминова, население, оставившее грунтовые могильники и поселения, стабильно пребывало на территории Камско-Бельско-Икского междуречья и центральной Башкирии «уже с XII в. и до XIV в. включительно» [Яминов: 1995, С. 19].

Обзор историографии показывает, что проблема этнической принадлежности носителей чияликской культуры занимает важное место в работах археологов. В области письменных источников в настоящее время плодотворно работает финский исследователь Роман Хаутала. Его наблюдения представляют большой интерес в плане общего изучения темы. Отчет о первом путешествии Юлиана в Великую Венгрию (в записи Рихарда) не упоминает башкир, но в одном из изданий отчета о втором путешествии (в записи самого Юлиана) отмечается его прибытие к отдаленным пределам Руси (до Великой Венгрии на этот раз Юлиан не добрался), где он получил «истинные свидетельства того, что все баскарды, а ведь именно так называются венгры-язычники, а также болгары и множество других царств на голову разгромлены татарами» [Книга странствий: 2006. С. 49]¹. Здесь воспроизведена фраза, встре-

¹ В переводе С. А. Аннинского опущено упоминание баскардов [См.: Аннинский: 1940, С. 83].

чающаяся в полном виде только в ватиканском манускрипте конца XIII в.: «баскарды, которых зовут также язычниками-венграми». Как показал Р. Хаутала, «в действительно на месте «баскардов» в этом манускрипте было указано имя «тартар», несмотря на то, что упомянутая фраза при этом теряет всякий смысл». Замена имени «тартар» на «баскарды» оправдана только «тем соображением, что в последующих латинских источниках «баскарды» неизменно отождествляются с мадьярами». Но факт остается фактом: у Юлиана такого отождествления нет. Не упоминают баскардов и синхронные европейские авторы, знакомые с отчетами Юлиана (Альберик де Труа-Фонтен, Матфей Парижский) [Хаутала: 2016, С. 166–167].

На Юлиана как будто ссылается и Рубрук: «То, что я сказал о земле Паскатири, я знаю через братьев проповедников, которые ходили туда до прибытия Татар...» [Путешествия..., 1957, С. 123]. Р. Хаутала по этому поводу пишет: «Здесь Гийом де Рубрук ясно указывает на результат первого путешествия Юлиана, посетившего «Великую Венгрию» до «прихода тартар». Однако, согласно записи Рикардуса (Рихарда. – И. А.), Юлиан был единственным доминиканцем, достигшим «Великой Венгрии», и, что важнее, Рикардус (как и сам Юлиан) не упоминал сопоставления «Великой Венгрии» с «землей Паскатури» [Хаутала: 2016, С. 169].

Таким образом, мы имеем два указателя: Великая Венгрия в низовьях Белой и страна Паскатири в верховьях Яика. Одна ли это страна или две разных? Если обратить внимание, что Юлиан не называет венгров башкирами, а Рубрук пишет именно о земле башкир, считать Великую Венгрию и Паскатири одной и той же страной было бы натяжкой. Сам Рубрук в земле Паскатири не был и не знал, на каком языке там говорят, но, ознакомившись со сведениями Юлиана, он решил, что в стране, расположенной к востоку от Волжской Булгарии, говорят на венгерском языке, и отнес эти сведения к земле Паскатири. Так сфера распространения венгерского языка была автоматически перенесена с запада на восток современной Башкирии. С точки зрения археологии, Великая Венгрия совпадает с ареалом памятников чияликского типа, а страна Паскатири – с ареалом памятников селеукского типа.

Однако католические миссионеры, побывавшие в первой половине XIV в. в Золотой Орде, в том числе и на Южном Урале (в «Баскардии»), уже ничего не сообщают о «Великой Венгрии». Комментируя этот факт, Р. Хаутала пишет:

«Францисканские миссионеры в Золотой Орде, в значительной степени состоявшие из выходцев из Венгрии, обязательно упомянули бы крупную группу угрозязычного населения, если бы она встретилась им в ходе их прозелитической деятельности». Р. Хаутала объясняет этот факт депортацией монголами коренного населения Великой Венгрии [Хаутала: 2016, С. 170–171]. Однако, по данным археологии, угорское население чияликской культуры оставалось на своих местах и в XIV в., не смешиваясь с какими-либо иноэтничными компонентами. По нашему мнению, отсутствие на территории Башкирии в XIV в. крупных групп угрозязычного населения свидетельствует не о перемещении местного населения, а об утрате им угорского языка и переходе на тюркский. Столь быстрое исчезновение угорского языка затрудняет поиски его следов. В низовьях Белой и Ика выявлены элементы угорской топонимии, оставленные населением, жившим здесь в VI–XIV вв. Однако дифференцировать топонимы, оставленные уграми, ушедшими на запад, и уграми, оставшимися в Волго-Уральском регионе и подвергшимися постепенной тюркизации, оказалось невозможным, ибо «такое расчленение – дело будущего» [Арсланов, Казаков, Корепанов: 1993, С. 108].

В числе башкирских племен, связанных своим происхождением с носителями чияликской культуры, исследователи солидарно называют юрматы, юрми, еней, гайна, кесе, буляр и байлар. Р. Г. Кузеев отвергает версию большинства исследователей, считающих племя юрматы по происхождению угорским, о том, что «предки юрматынцев – древние венгры, которые в эпоху средневековья (XIII–XIV вв.) подверглись тюркизации». В пользу этой версии, казалось бы, свидетельствует «факт расселения юрматынцев в XIII–XIV вв. на юго-восточных границах болгарской территории». Но сам Р. Г. Кузеев придерживался мнения о древнетюркском происхождении этнической основы юрматынцев. Оставляя открытым вопрос о принадлежности древних юрматынцев к собственно булгарам, он счел возможным сделать вывод: «средневековые юрматынцы – угризированные тюрки, вместе с булгарами переселившиеся в свое время из Приазовья на Волгу» [Кузеев: 1974, С. 122–128]. Однако этнические процессы в эпоху средневековья в Волго-Уральском регионе протекали в обратном направлении – в сторону тюркизации угров. Башкиры-буляры этнически восходят к волжским булгарам (билерам), ибо сами они «считают себя переселенцами с древнего Булгара». Их переселение в низовья

Зая, а оттуда на Ик и Сюнь, было вызвано событиями в Золотой Орде в конце XIV в. [Кузеев: 1974, С. 324–327]. Однако по преданию они обитали в современных местах еще до монгольского нашествия. Байлар – племя тюрко-монгольского происхождения, пришедшее из Центральной Азии и Алтая в Среднюю Азию, Казахстан и Восточную Европу [См.: Кузеев: 1974, С. 328–330]. Из старинного предания известно, что енейцы занимали «обширные земли в низовьях Ика, Белой и по берегам Камы», были могущественным и многочисленным племенем. Согласно Р. Г. Кузееву, «судя по отсутствию в речи икских башкир каких-либо следов угорской лексики, по тюркскому типу всех тагг, историческим преданиям, которые неизменно связывают их с булгарами и Булгарией, можно предположительно считать, что предки енейцев в конце I тыс. н. э. говорили на тюркском (булгарском?) языке, но сильно смешались с уграми-мадьярами, следы влияния которых надо искать в физическом типе и архаичных пластах культуры башкир» [Кузеев: 1974, С. 340–341]. Таким образом, тюркские корни енейцев несомненны, в то время как их угорские корни еще следует выявить. В том же булгаро-угорском окружении находились племена юрми, гайна и кесе [См.: Кузеев: 1974, С. 345].

Все перечисленные племена, за исключением племени байлар (отнесенного к группе древнебашкирских племен), отнесены Р. Г. Кузеевым к булгаро-мадьярской племенной группе, «которая представляет собой сложный синтез болгарских или булгаризированных тюркских племен с угорскими, преимущественно древнемадьярскими, племенами при доминирующей роли древнетюркского (булгарского) компонента» [Кузеев: 1974, С. 508]. Факт сильного экономического, социально-политического и культурного влияния Волжской Булгарии на приуральских угров никем не отрицается, но можно ли говорить о смешении болгар с носителями чияликской культуры? По всей видимости, «круг легенд, связанных с Булгаром, возник среди башкир в результате распространения идейного течения «булгаризма», родившегося в среде мусульманского духовенства, в котором идеализированный город Булгар, аналог града Китежа, представал в виде символа духовного возрождения и оппозиции «неверному» русскому правлению». Для башкирских мулл XVIII–XIX вв. «булгарство было цивилизационным кодом, а вовсе не отражением этнического происхождения от булгар». Это ставит под сомнение сделанные на основании преданий выводы Р. Г. Кузеева о булгарском происхождении

ряда башкирских племен, в частности гайнинцев [Хамидуллин, Юсупов, Асылгужин: 2015, С. 20–21]. Данные генетики свидетельствуют об автохтонном происхождении гайнинцев, отрицая связь с волжскими булгарами [См.: Хамидуллин, Юсупов, Асылгужин: 2015, С. 28]. Очевидно, предков гайнинцев нужно искать среди древнего финно-угорского населения Прикамья [См.: Хамидуллин, Юсупов, Асылгужин: 2015, С. 124].

Чияликская культура пока еще совершенно не изучена в антропологическом отношении. Комплекс признаков уральской расы характерен для населения пьяноборской культуры (III в. до н. э. – II в. н. э.), бахмутинской культуры (V–VIII вв. н. э.) и современных башкир северных и северо-западных районов Башкортостана [См.: Юсупов: 2011, С. 91–92]. Чияликский этап из установленного ряда выпадает, а между населением бахмутинской культуры и современными башкирами лежит хронологический период протяженностью более тысячи лет. В самом общем плане можно считать, что расогенетические процессы на севере современного Башкортостана с древнейших времен до наших дней развивались на базе местного финно-угорского населения, в том числе и носителей чияликской культуры, без значительных изменений, обусловленных внешним воздействием.

Таким образом, проблема этнической принадлежности носителей чияликской культуры связана со значительными трудностями. Археология располагает массовым материалом, однако унификация погребального обряда превратила его из этнической в хронологическую категорию. Письменные источники, напротив, чрезвычайно малочисленны, а в качестве непосредственных свидетельств могут рассматриваться только сочинения Юлиана. Антропологический материал полностью отсутствует, топонимический материал не расчленен, предания о происхождении башкирских племен носят легендарный характер, материальная и духовная культура северо-западных башкир изучена недостаточно полно. В то же время этнодиагностирующая часть археологического материала (керамика, украшения, языческие реликты погребального обряда), сведения Юлиана о «венграх» на р. Белой, уральский расовый тип современных северных башкир, угорские топонимы в низовьях Белой и Ика, а также выделенный Р. Г. Кузеевым булгаро-мадьярский субстрат в этногенезе башкир, несомненно, свидетельствуют в пользу мнения большинства исследователей об угорском происхождении носителей рассматриваемой культуры. Если в XIII

в. это были угры, то в XIV в. это были уже тюркизированные угры, о чем можно судить по исчезновению в письменных источниках сведений об уграх на Южном Урале и распространению эпиграфических памятников болгарского типа. Угорский компонент, сыгравший важную роль в этногенезе башкир, связывается именно с чияликской культурой. Однако это не единственный и даже не основной, а скорее локальный компонент, так как связанные с ним этнические процессы протекали в северо-западной части территории расселения башкир. В такой ситуации нельзя

признать удачными поспешные и слабоаргументированные попытки отождествления носителей чияликской культуры с башкирами письменных источников. Очевидно, приуральские угры вошли в состав башкир в результате завершения длительного процесса исламизации и тюркизации. Определить такой рубеж мешает слабая изученность археологических памятников после XIV в. Данные смежных наук по этому, «темному», периоду истории Башкортостана также практически отсутствуют.

Список литературы

1. Аннинский С. А. Известия венгерских миссионеров XIII-XIV вв. о татарах и Восточной Европе // Исторический архив. III. М.; Л., 1940. С. 71–112.
2. Арсланов Л. Ш., Казаков Е. П., Корепанов К. И. Финны, угры и самодийцы в Восточном Закавказье (III в. до н. э. – XIV в. н. э.): опыт археолого-топонимического изучения этнокультурной истории региона. Елабуга: Елабужский госпединститут, 1993. 140 с.
3. Башкирское народное творчество. Т. 2 / Сост. Ф. А. Надршина. Уфа: Башкирское книжное издательство, 1987. 573 с.
4. Гарустович Г. Н. Об этнической принадлежности раннемусульманских памятников Западной и Центральной Башкирии // Проблемы древних угров на Южном Урале / Отв. ред. А. Х. Пшеничнюк. Уфа: БНЦ УрО АН СССР, 1988. С. 130–139.
5. Гарустович Г. Н. Ареал расселения угорских племен Приуралья в XIII-XIV вв. // Востоковедение в Башкортостане: История. Культура. II / Отв. ред. Н. А. Мажитов. Уфа: БГУ, 1992. С. 121–123.
6. Гарустович Г. Н., Иванов В. А. Ареал расселения угров на Южном Урале и в Приуралье во второй половине I – начале II тыс. н. э. // Проблемы этногенеза финно-угорских народов Приуралья / Отв. ред. В. А. Кананин. Ижевск: Удмуртский университет, 1992. С. 17–31.
7. Гарустович Г. Н. Памятники X – начала XIV в. н. э. // Археологические памятники Башкортостана / Отв. ред. Ю. А. Морозов. Уфа: Гилем, 1996. С. 51–55.
8. Гарустович Г. Н. Население Волго-Уральской лесостепи в первой половине II тысячелетия нашей эры: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Уфа, 1998. 28 с.
9. Гарустович Г. Н. Чияликская культура // Башкирская энциклопедия: в 7 т. Т. 7 / Гл. ред. М. А. Ильгамов. Уфа: Башкирская энциклопедия, 2011. С. 251–252.
10. Гарустович Г. Н. Чияликская археологическая культура эпохи средневековья на Южном Урале // Уфимский археологический вестник. Вып. 15. 2015. С. 181–198.
11. Иванов В. А. Откуда ты, мой предок? (Взгляд археолога на древнюю историю Южного Урала). СПб.: Грань, 1994. 128 с.
12. Иванов В. А. Разложение первобытнообщинного строя // История Башкортостана с древнейших времен до 60-х годов XIX в. / Отв. ред. Х. Ф. Усманов. Уфа: Китап, 1996. С. 71–90.
13. Иванов В. А. Аксиомы и альтернативы ранней средневековой истории Южного Урала // Народы Урало-Поволжья: история, культура, этничность / Ред. Х. Х. Ишмуратов. Уфа: Уфимский полиграфкомбинат, 2003. С. 173–182.
14. История башкирского народа: в 7 т. Т. II / Ред. колл.: С. Г. Кляшторный и др. Уфа: Гилем, 2012. 416 с.
15. История татар с древнейших времен: в 7 т. Т. II / Отв. ред. Ф. Хузин. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АНТ, 2006. 960 с.
16. Ишбердин Э. Ф. Камень с «загадочными» знаками // Советская тюркология. 1980. № 2. С. 64–67.
17. Казаков Е. П. Памятники болгарского времени в восточных районах Татарии. М.: Наука, 1978. 132 с.
18. Казаков Е. П. О происхождении и этнокультурной принадлежности средневековых прикамских памятников с гребенчато-шнуровой керамикой // Проблемы средневековой археологии Урала и Поволжья / Отв. ред. Р. Г. Кузеев. Уфа: БФАН СССР, 1986. С. 67–75.

19. Казаков Е. П. Волжские болгары, угры и финны в IX-XIV вв.: проблемы взаимодействия. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2007. 208 с.
20. Книга странствий / Сост. Н. Горелов. СПб.: Азбука-классика, 2006. 320 с.
21. Кузеев Р. Г. Происхождение башкирского народа: этнический состав, история расселения. М.: Наука, 1974. 571 с.
22. Мажитов Н. А., Султанова А. Н. История Башкортостана с древнейших времен до XVI века. Уфа: Китап, 1994. 360 с.
23. Мажитов Н. А., Султанова А. Н. История Башкортостана. Древность. Средневековье. Уфа: Китап, 2009. 496 с.
24. Мажитов Н. А. Заблуждение или фальсификация? // Проблемы востоковедения. 2011. № 2. С. 74–89.
25. Пастушенко И. Ю. История изучения так называемой «сылвенской» культуры // Социально-исторические и методологические проблемы древней истории Прикамья / Научн. ред. О. М. Мельникова. Ижевск: Удмуртский университет, 2002. С. 171–187.
26. Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука / Ред. Н. П. Шастина. М.: Гос. изд. геогр. лит., 1957. 272 с.
27. Хамидуллин С. И., Юсупов Ю. М., Асылгужин Р. Р. и др. История башкирских родов. Т. 11. Уфа: Уфимский полиграфкомбинат, 2015. 696 с.
28. Хаутала Р. Сведения о заволжских мадьяры мадьярах в латинских источниках XIII-XV веков // История татар Западного Приуралья. Т. I / Научн. рук. Р. С. Хакимов. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2016. С. 156–177.
29. Юсупов Р. М. Палеоантропология Южного Урала в связи с расо- и этногенезом башкир // М. А. Бермишева, В. А. Иванов, Г. А. Киньябаева и др. Антропология башкир. СПб.: Алетей, 2011. С. 91–118.
30. Яминов А. Ф. Южный Урал в XIII-XIV вв.: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Ижевск, 1995. 30 с.

Сведения об авторе

Антонов Игорь Владимирович – кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник отдела археологического наследия Южного Урала Института этнологических исследований им. Р. Г. Кузеева Уфимского федерального инновационного центра Российской академии наук.
igan73@yandex.ru

Magistra Vitae.

2019. No 1. P. 97–109.

ABOUT ETHNICITY OF PEOPLE OF CHIHALIK CULTURE: HISTORIOGRAPHY AND THE CURRENT STATE OF THE PROBLEM

I. V. Antonov

*Institute of Ethnological Research. R.G. Kuzeeva Ufa Scientific Center of the Russian Academy of Sciences,
Ufa, Russia. igan73@yandex.ru*

Chihalik culture is outlined by monuments in the lower reaches of the rivers Ik and Belaya. The bulk of the monuments dates to XIII–XIV centuries. Despite the spread of Islam the funeral rite of Chihalik burial grounds preserved pagan relics, typical of the Ugrians of the Zauralje and the Priuralje. According to most researchers, as part of the ethnical and cultural range of the Ugrians in the Southern Ural, Chihalik culture people were heavily influenced by Volga Bulgaria. In XIII century Hungarian missionary Julian found his relatives on the river Belaya, although in XIV century there was no information about the Ugrians on the territory of Bashkiria in written sources. As a result of gradual Turkification and Islamization, descendants of Chihalik culture people became part of the Bashkirs. However, it is difficult to trace their history after XIV century due to the lack of archaeological monuments research and data of related sciences. The author considers that Ugrian component in the ethnogenesis of the Bashkir played not substantive, but rather a

local role: descendants of Chijalik culture people are considered the Northwest Bashkirs. Therefore, Chijalik culture people cannot be equated with the Bashkirs in written sources.

Keywords: *Chijalik culture, Ugric, Bashkirs, Turkification, Islamization.*

References

1. Anninskij S. A. (1940). Izvestija vengerskih missionerov XIII–XIV vv. o tatarah i Vostochnoj Evrope [News of Hungarian missionaries XIII–XIV centuries about the Tatars and the Eastern Europe], *Istoricheskij arhiv* [Historical archive]. III. Pp. 71–112. M.; L. (in Russ.).
2. Arslanov L. Sh., Kazakov E. P. & Korepanov, K. I. (1993). Finny, ugray i samodijcy v Vostochnom Zakam'e (III v. do n. je. – XIV v. n. je.): opyt arheologo-toponimicheskogo izuchenija jetnokul'turnoj istorii regiona [Finns, Ugric and Samoyedic peoples in East Zakamje (III century B. C. – XIV century A. D.): experience of archaeological and toponymic study ethno-cultural history of the region]. 140 p. Elabuga, Elabuzhskij gospedinstitut (in Russ.).
3. Nadrshina F. A. (Comp.) (1987). *Bashkirskoe narodnoe tvorcestvo* [Bashkir folk art]. T. 2. 573 p. Ufa, Bashkirskoe knizhnoe izdatel'stvo. (in Russ.).
4. Garustovich G. N. Ob jetnicheskoj prinadlezhnosti rannemusul'manskih pamjatnikov Zapadnoj i Central'noj Bashkirii [About the ethnicity of the early Muslim monuments of Western and Central Bashkiria], in Pshenichnjuk, A. H. (Ed.). (1988). *Problemy drevnih ugrov na Juzhnom Urale* [Problems of ancient Ugrians in the Southern Ural]. Pp. 130–139. Ufa, BNC UrO AN SSSR. (in Russ.).
5. Garustovich G. N. Areal rasselenija ugorskih plemen Priural'ja v XIII-XIV vv. [The resettlement area Ugric tribes of the Priuralje in XIII–XIV centuries], in Mazhitov, N. A. (Ed.). (1992). *Vostokovedenie v Bashkortostane: Istorija. Kul'tura* [Orientalism in the Bashkortostan: History. Culture]. II. Pp. 121–123. Ufa, BGU. (in Russ.).
6. Garustovich G. N. & Ivanov V. A. Areal rasselenija ugrov na Juzhnom Urale i v Priural'e vo vtoroj polovine I – nachale II tys. n. je. [The resettlement area of the Ugrians in the Southern Ural and in the Priuralje during the second half I – beginning II millennium A. D.], in Kananin, V. A. (Ed.). (1992). *Problemy jetnogeneza finno-ugorskih narodov Priural'ja* [The problems of the ethnogenesis of the Finno-Ugric peoples of the Priuralje]. Pp. 17–31. Izhevsk, Udmurtskij universitet. (in Russ.).
7. Garustovich G. N. Pamjatniki X – nachala XIV v. n. je. [Monuments of X – early XIV century A. D.], in Morozov, Ju. A. (Ed.). (1996). *Arheologicheskie pamjatniki Bashkortostana* [Archaeological monuments of the Bashkortostan]. Pp. 51–55. Ufa, Gilem. (in Russ.).
8. Garustovich G. N. (1998). Naselenie Volgo-Ural'skoj lesostepi v pervoj polovine II tysjacheletija nashej jery: dissertacija na soiskanie uchenoj stepeni kandidata istoricheskikh nauk [The population of the Volga-Ural forest steppe in the first half of the II millennium A. D.: abstract of the dissertation on competition of a scientific degree of the candidate of historical sciences]. Ufa. (in Russ.).
9. Garustovich G. N. Chijalikskaia kul'tura [Chijalik culture], in Il'gamov, M. A. (Ed.). (2011). *Bashkirskaja jenciklopedija: v 7 t.* [The Bashkir encyclopedia: in 7 v.]. T. 7. Pp. 251–252. Ufa, Bashkirskaja jenciklopedija. (in Russ.).
10. Garustovich, G. N. (2015). Chijalikskaia arheologicheskaia kul'tura jepohi srednevekov'ja na Juzhnom Urale [Chijalik archaeological culture of the middle ages in the Southern Ural], *Ufinskij arheologicheskij vestnik* [Ufa archaeological messenger]. Vyp. 15. Pp. 181–198. (in Russ.).
11. Ivanov V. A. (1994). Otkuda ty, moj predok? (Vzgljad arheologa na drevnjuju istoriju Juzhnogo Urala) [Where are you, my ancestor? (Archeologist look at the ancient story of the Southern Ural)]. 128 p. SPb., Gran'. (in Russ.).
12. Ivanov V. A. Razlozhenie pervobytnoobshhinnogo stroja [Decomposition of primitive society], in Usmanov, H. F. (Ed.). (1996). *Istorija Bashkortostana s drevnejshih vremen do 60-h godov XIX v.* [History of the Bashkortostan from ancient times to the 60-ies of the XIX century]. Pp. 71–90. Ufa, Kitap. (in Russ.).
13. Ivanov V. A. Aksiomy i al'ternativy rannej srednevekovoj istorii Juzhnogo Urala [Axioms and alternatives early medieval history of the Southern Ural], in Ishmuratov, H. H. (Ed.). (2003). *Narody Uralo-Povolzh'ja: istorija, kul'tura, jetnichnost'* [Peoples of the Ural-Povolje: history, culture, ethnicity]. Pp. 173–182. Ufa, Ufinskij poligrafkombinat. (in Russ.).
14. Kljashtornyj S. G. & others. (Eds.). (2012). *Istorija bashkirskogo naroda: v 7 t.* [History of the Bashkir people: in 7 v.]. T. II. 416 p. Ufa, Gilem. (in Russ.).

15. Huzin F. (Ed.). (2006). *Istorija tatar s drevnejshih vremen: v 7 t.* [History of the Tatars since ancient times: in 7 v.]. T. II. 960 p. Kazan', Institut istorii im. Sh. Mardzhani ANT. (in Russ.).
16. Ishberdin Je. F. (1980). Kamen' s «zagadochnymi» znakami [Stone with “mysterious” characters], *Sovetskaja tjurkologija* [Soviet turkology]. № 2. Pp. 64–67. (in Russ.).
17. Kazakov, E. P. (1978). Pamjatniki bolgarskogo vremeni v vostochnyh rajonah Tatarii [Monuments of Bulgarian time in the eastern regions of the Tartarya]. 132 p. M., Nauka. (in Russ.).
18. Kazakov E. P. O proishozhdenii i jetnokul'turnoj prinadlezhnosti srednevekovyh prikamskih pamjatnikov s grebenchato-shnurovoj keramikoj [On the origin and cultural conditioning of the medieval monuments of the Prikamje with comb-corded pottery], in Kuzeev, R. G. (Ed.). (1986). *Problemy srednevekovoj arheologii Urala i Povolzh'ja* [Problems of medieval archaeology of the Ural and the Povolje]. Pp. 67–75. Ufa, BFAN SSSR. (in Russ.).
19. Kazakov E. P. (2007). Volzhskie bolgary, ugry i finny v IX-XIV vv.: problemy vzaimodejstvija [Volga Bulgarians, Ugrians and Finns in the IX–XIV centuries: problems of interaction]. 208 p. Kazan', Institut istorii im. Sh. Mardzhani AN RT. (in Russ.).
20. Gorelov N. (Comp.). (2006). *Kniga stranstvij* [The book of travels]. 320 p. SPb., Azbuka-klassika. (in Russ.).
21. Kuzeev R. G. (1974). Proishozhdenie bashkirskogo naroda: jetnicheskij sostav, istorija rasselenija [The origin of the Bashkir people: ethnic composition, history of resettlement]. 571 p. M., Nauka. (in Russ.).
22. Mazhitov N. A. & Sultanova A. N. (1994). *Istorija Bashkortostana s drevnejshih vremen do XVI veka* [History of Bashkortostan since ancient times to the 16th century]. 360 p. Ufa, Kitap. (in Russ.).
23. Mazhitov N. A. & Sultanova A. N. (2009). *Istorija Bashkortostana. Drevnost'. Srednevekov'e* [History of the Bashkortostan. Antiquity. The middle ages]. 496 p. Ufa, Kitap. (in Russ.).
24. Mazhitov N. A. (2011). Zabluzhdenie ili fal'sifikacija? [Misrepresentation or falsification?], *Problemy vostokovedenija* [Problems of oriental studies], no. 2. Pp. 74–89 (in Russ.).
25. Pastushenko I. Ju. Istorija izuchenija tak nazyvaemoj «sylvenskoj» kul'tury [History of study of the so-called “sylvenskaja” culture], in Mel'nikova, O. M. (Ed.). (2002). *Social'no-istoricheskie i metodologicheskie problemy drevnej istorii Prikam'ja* [Socio-historical and methodological problems in the ancient history of the Prikamje]. Pp. 171-187. Izhevsk, Udmurtskij universitet (in Russ.).
26. Shastina N. P. (Ed.). (1957). *Puteshestvija v vostochnye strany Plano Karpini i Rubruka* [Travels in Eastern countries of Plano Carpini and Rubruck]. 272 p. M., Gos. izd. geogr. lit. (in Russ.).
27. Hamidullin S. I., Jusupov, Ju. M., Asylguzhin, R. R. & others. (2015). *Istorija bashkirskih rodov* [History of Bashkir births]. T. 11. 696 p. Ufa, Ufimskij poligrafkombinat. (in Russ.).
28. Hautala R. Svedenija o zavolzhskih mad'jarah v latinskih istochnikah XIII-XV vekov [Information about the Magyars of the Zavolzhje in Latin sources of the XIII–XV centuries], in Hakimov, R. S. (Ed.). (2016). *Istorija tatar Zapadnogo Priural'ja* [History of the Tatars of the Priuralje]. T. I. Pp. 156–177. Kazan', Institut istorii im. Sh. Mardzhani AN RT (in Russ.).
29. Jusupov R. M. Paleoantropologija Juzhnogo Urala v svjazi s raso- i jetnogenezom bashkir [Paleoanthropology of the Southern Ural in connection with raso- and ethnogenesis of the Bashkirs], in Bermisheva M. A., Ivanov V. A., Kin'jabaeva G. A. & others. (2011). *Antropologija Bashkir* [Anthropology of the Bashkirs]. Pp. 91-118. SPb., Aletejja (in Russ.).
30. Jaminov A. F. (1995). *Juzhnyj Ural v XIII–XIV vv.: avtoreferat disertacii na soiskanie uchenoj stepeni kandidata istoricheskikh nauk* [The Southern Ural in XIII-XIV centuries: abstract of the dissertation on competition of a scientific degree of the candidate of historical sciences]. 30 p. Izhevsk. (in Russ.).